

Екатерина
Рождественская

Триеди
к
одеду

МОИ ИСТОРИИ С МОЕЙ ГЕОГРАФИЕЙ

Рождественская Екатерина. Книги путешествий,
семейных баек и вкусных рецептов

Екатерина Рождественская
**Приеду к обеду. Мои
истории с моей географией**

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Рождественская Е. Р.

Приеду к обеду. Мои истории с моей географией /
Е. Р. Рождественская — «Эксмо», 2021 — (Рождественская
Екатерина. Книги путешествий, семейных баек и вкусных
рецептов)

ISBN 978-5-04-116115-6

Екатерина Рождественская – писатель, фотохудожник, дочь известного поэта Роберта Рождественского. «Перед вами книжка про прекрасную и неотъемлемую часть моей жизни – путешествия и еду. Про города, в которых побывала за эти пять лет, дороги, что не кончались, людей, о которых решила вспомнить, а еще и рецепты, что собирала повсюду. Но не могу не предупредить – это нетолерантные записки. Толерантность сегодня очень в моде, но я, извините, совершенно из другого теста. Пишу так, как есть, – черное называю черным, а некрасивое – некрасивым и подстраиваться подо всех или кого-то конкретного не собираюсь. Я родом из советского детства, когда многое было иначе и называлось своими именами. А если я все же кого-то обидела, то прошу прощения. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-116115-6

© Рождественская Е. Р., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

От автора	7
Мои истории с моей географией	9
Москва и по адресам	15
Двор на Поварской	15
Моя Тверская (улица Горького)	23
Дом-сказка на Соймаоновском	29
Новодевичий	32
Ереван	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Екатерина Рождественская Приеду к обеду: мои истории с моей географией

Художественное оформление *Марии Рязанцевой*

В оформлении книги используются фото из личного архива автора

© Рождественская Е., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

От автора

Иногда пишущие люди сравнивают выход новой книги с рождением ребенка. Не знаю, может, и так. . . .

Смотрите сами – сидишь, вынашиваешь, страдаешь, иногда тебя, как при токсикозе, от написанного подташнивает, иногда наступает эйфория, какая ты гениальная, а потом может и выкидывш случиться – удаляешь к чертовой матери всю свою гениальность и снова, с чистого листа... Страдаешь, мучаешься, не ешь-не пьешь, задумываешься, не отвечая на вопросы

домашних, и те понимающе кивают, переглядываясь, – что с нее возьмешь, она сейчас не с нами, писатель, право слово, а не мать!

Потом, когда уже невмоготу и рукопись стала толстой, объемной, выпирает и шевелится, идешь к специалисту, в издательство. Сроков для этого не существует.

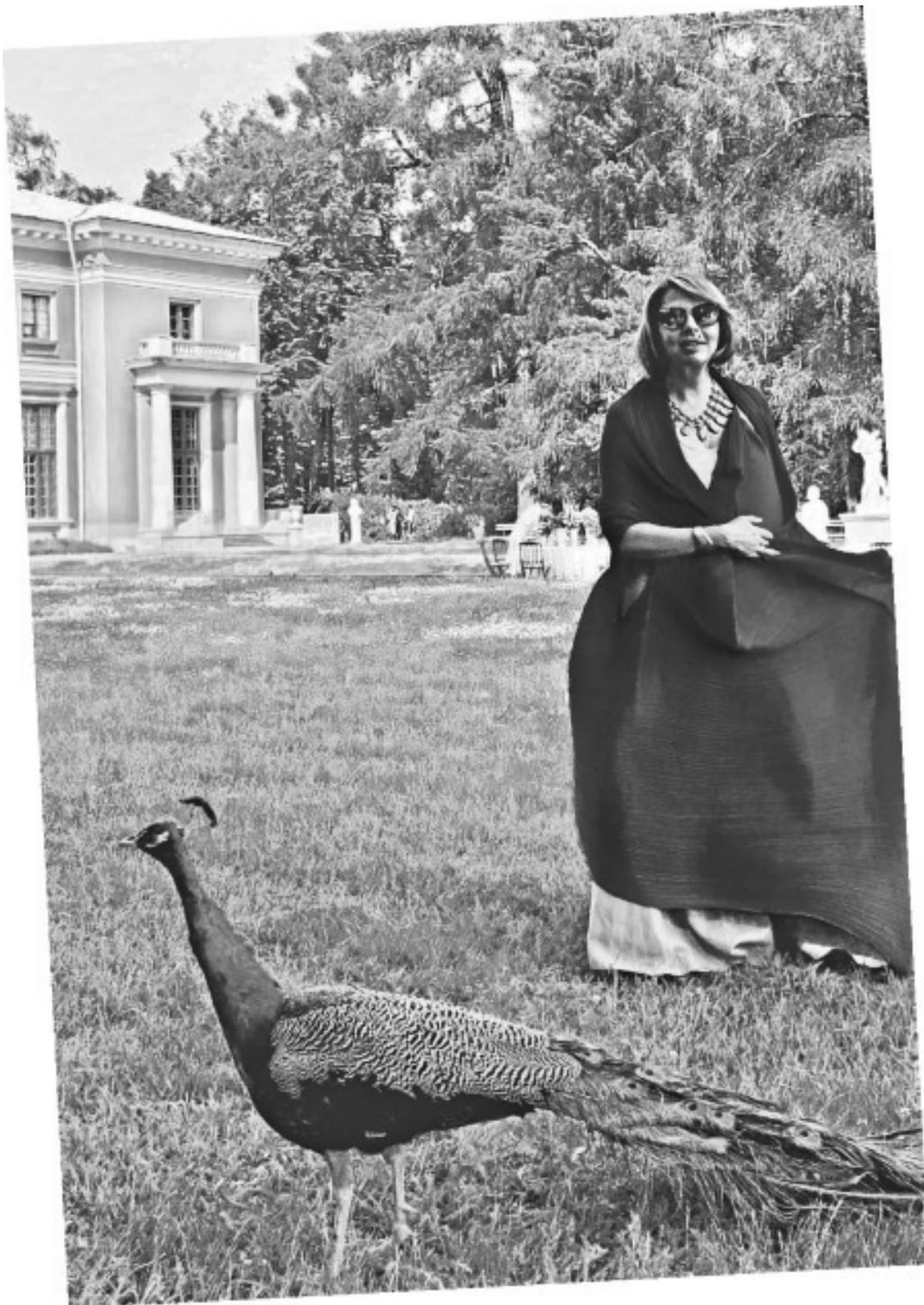
И сколько книге вынашиваться, никто не знает, когда как: иногда мигом, месяц-другой, ррраз и готово, иногда неспешно, годами, а бывает, и всю жизнь...

Перед вами книжка про прекрасную и неотъемлемую часть моей жизни – путешествия и еду. Про города, в которых побывала за эти пять лет, дороги, что не кончались, людей, о которых решила вспомнить, а еще и рецепты, что собирала повсюду.

Но не могу не предупредить – это нетолерантные записки. Толерантность сегодня очень в моде, но я, извините, совершенно из другого теста. Пишу так, как есть – черное называю черным, а некрасивое – некрасивым, и подстраиваться подо всех или кого-то конкретного не собираюсь. Я родом из советского детства, когда многое было иначе и называлось своими именами. А если я все же кого-то обидела, то прошу прощения.

Мои истории с моей географией

Сколько я себя помню, а я себя помню, то всегда приходила в порсячий восторг при виде заграничных голубых старушек. Во времена моей юности их было довольно много, и они постоянно попадались на глаза – у театров, гостиниц, просто на улице. Эти мальвины на пенсии казались мне чрезвычайно привлекательными и совершенно необыкновенными. Их необычно-голубой цвет волос был отличительным знаком того, что все они приехали из далеких стран загнивающего капитализма и были ПУТЕШЕСТВЕННИЦАМИ.

Жили мы тогда на улице Горького, которая зовется нынче Тверской, центральной улице не только Москвы, но и всей страны. Окна наши выходили на Главный Почтамт и местами даже на Красную площадь. Квартира с валютным видом, как говорила моя бабушка Лида. По Горького важно и неповоротливо ездили огромные «Икарусы», автобусы, перевозящие мальвин и их благородных спутников в темных очках. «Икарусы» притормаживали у гостиницы «Интурист», здания уродского, совершенно никак не связанного по стилю с остальными домами на

Горького, задуманного, видимо, как символ современной Москвы в то время. В этом символе – стекло, бетон, серость, отсутствие деталей и архитектурных излишеств – часто останавливались и папины друзья, когда приезжали в Москву. Было очень удобно – в самом центре, до всего рукой подать, да и у нас дома можно было засиживаться допоздна, а потом идти себе под утро в гостиницу, тихонько пошатываясь от выпитого. Пять минут – и ты на месте! И мы сами часто бывали у них в «Интуристе» и в «Национале», который стоял рядом. Там в обширных фойе и сидели эти прекрасные голубоволосые старушки в ожидании очередного «Икаруса». Эти великовозрастные дамы стали тогда для меня символом свободы и независимости и даже какой-то молодежавшей дерзости. Очень сильно отличались от наших отечественных застарелых тетенок, отличались всем – яркими нарядами, широтой жестов, открытыми взглядами, громким смехом и даже пухлыми чемоданами с разноцветными наклейками. Их, голубоволосых, никогда не останавливали швейцары. Другим же попасть в гостиницу было проблематично. Процесс входа занимал немало времени: нужно было, чтобы приглашающая сторона вас непременно ждала внизу и встречала с документами, подтверждающими регистрацию в гостинице, либо вы должны были дать энную сумму швейцару в качестве пропуска, обычно от трех до десяти рублей. При этом, несмотря на всю серьезность церберно-швейцарской службы и незатухающий огонь в глазах, внешний вид этих побитых молью старичков – кокетливая фуражка и невероятного зеленого цвета полупальто с золотыми галунами – делал их похожими на третьеразрядных опереточных лакеев. Швейцары стояли на страже во всех солидных гостиницах. Отдавали честь и брали чаевые. В основном они были вполне солидными и крепкими бывшими кагэбэшниками или военными, с серьезным подозрительным взглядом, в любом мужчине видевшим шпиона или фарцовщика, а в любой женщине от 15 до 70 – проститутку. Проституток, кстати, было немерено в интуристовских гостиницах, и многие девчонки из моего класса им завидовали, ведь очень хотелось заграничных шмоток и волшебной разгульной жизни с приключениями. Я-то точно не завидовала. Мне не нравился петушиный боевой раскрас этих затравленных дев и вечная половая готовность. Мне было странно, что можно вот так часами напролет бездельно сидеть, скудно одетой, в баре и просто попивать яркий коктейль, ничего особо не делая. И даже без книжки в руках. И изредка подниматься в номер совершенно незнакомого мужика. Фу... Эта проститучья жизнь была просто выкинутым из молодости временем. Швейцары имели какой-то процент с их бурной женской деятельности и, по-ленински прищуриваясь, отслеживали их передвижения по фойе. Ну, а моих голубоволосых мальвин пропускали мгновенно, с улыбкой, широко распахивая перед ними дверь. Ведь мальвины эти были совершенно из другой реальности и со временем стали важной частью моего представления о мире, который существовал за пределами Советского Союза.

Мир этот казался беззаботным и радостным, полным приключений и красивой жизни, подсмотренной в заграничных журналах. Эти дамы стали для меня ориентиром на будущее, хоть и страшно было так далеко заглядывать. Несмотря на то, что все они были в годах, за семьдесят точно, они продолжали выглядеть привлекательно, подкрашивали седину синькой и одевались по последней капиталистической моде, а не донашивали, как наши, сто раз перешитое и перелицованное. И еще они точно выглядели здоровыми и боевыми, уж если могли

позволить себе долгие перелеты и переезды. Да и дома у них тоже все было налажено, внуки-правнуки присмотрены и свободного времени имелось в избытке, которое и тратили они на себя и со вкусом. Ну вот так я себе все разложила по полочкам. Мне очень хотелось стать когда-нибудь такой мальвиной, хотя я понимала, что одно лишь окрашивание волос не превратит меня в свободную духом путешественницу.

И, как пишут в книгах, прошло время. Голубоволосые старушки из того далекого времени немного подвыветрились. Я тех, европейских, почти перестала встречать. Хотя, возможно, стала немодной та небесная синька для волос. Вместо привычных заездили на огромных автобусах по Москве седые китайские старушки, на которых мне совсем не хотелось быть похожей, не вязались они с тем сказочным дымчатым образом из моего далекого детства.

А детство мое проходило в Москве, где, собственно, родилась мама, а спустя 24 года и я. Москва ведь тоже интересный город, и почему бы нам по нему не попутешествовать? Не к Царь-пушке, конечно, отправиться, не в Лужники и не к памятнику Маяковскому – нет, это вы, пожалуйста, без меня, а очень прицельно, очень избирательно, туда, где сердце замирает и переворачивается. Именно у меня. Ведь у всех есть любимые дворики, дома и переулки,

правда? Вот я вам и покажу свои любимые московские места. Может, не все они любимые, но чем-то обязательно запомнившиеся.

Начнем?

Москва и по адресам

Двор на Поварской

Без этого адреса не обойдемся, ведь это дом, в котором я родилась: Поварская, 52, тогда еще улица Воровского, мой первый адрес. Я уже писала об этом месте и сейчас немного повторюсь.

Вот что написано в одной умной книге по архитектуре про наш двор:

«Огромная классическая усадьба с обширным, сложной (приближенной к овалу) формы двором, со всех сторон окруженным низкими одноэтажными служебными постройками и двухэтажными жилыми флигелями, соединенными проездными арками. Главный дом – двухэтажный с мезонином, имеет торжественную пятичастную композицию. Его боковые ризалиты оформлены по сторонам спаренными дорическими колоннами, поддерживающими выступающий вперед карниз с аттиком. Эти боковые части соединены с центральной небольшими террасными переходами на уровне второго этажа, украшенными тонкой кованой решеткой ограж-

дения. Центр выделен мезонином под фронтоном с крупной геральдической композицией (в центре тимпана фронтона гербы родов Боды и Колычевых), поддерживаемым шестиколонным коринфским портиком. Интересна простая, но милая в своей доморощенности архитектурная обработка флигелей».

Как сухо, по-деловому и не совсем понятно о моем родном дворе, о таком красивом, удивительном месте! Доморощенная... Ничего она не доморощенная, обработка эта! А самая что ни на есть та! И все во мне сразу восстает против такого описания, там все по-другому, правда!

Двор наш был сильно исторический, много разных сказок о нем рассказывали. А может, вовсе и не сказок, а правд. Прабабушка моя Поля с прадедом Яковом поселились там с самого посленэповского времени, в середине двадцатых, когда насовсем переехали из Саратова в Москву. Называлась улица Поварской, потом, в 1923, ее переименовали в Воровского. Случилась тогда послереволюционная эпидемия – улицы переименовывать, чтобы как можно быстрее стереть из памяти все, что связано с николашками, буржуями, попами и царской обслугой. Ну, видимо, и Поварская попала под раздачу, хотя на ней испокон веков жили не сами цари,

а царские повара. К Поварской примыкали переулочки, по названиями которых можно было сразу понять род деятельности их обитателей: Скатерный, Ножовый, Хлебный, Чашников, в общем, сложился здесь такой милый кухонный район, пропахший горячим хлебом, жареным луком и сбежавшим молоком. Но нет, комиссия по смене названий улиц решила, что Поварская – намек на то, что простой люд, то есть повара, не себе ж готовили, а горбатились на всяких там богатеях, чистили картошку, ворочали огромные чаны с водой, крутили вертелы с дичью и прочая, и прочая. То есть работали как рабы на галерах. Значит, Поварскую с ее намеками на рабский труд вон! Вместо этого пусть улица будет названа фамилией нового героя, зверски убитого дипломата Вацлава Воровского, негибавшего революционера ленинской когорты, который на Поварской никогда не жил. Ну, пусть.

Ну вот, так мои и въехали тогда в этот круглый красивый двор, который тоже стал круглым не сразу, а застраивался постепенно, почти весь девятнадцатый век, пока, наконец, к началу двадцатого не округлел совсем и не закрылся резной железной решеткой со спиральным рисунком, отвоевав нужную ему площадь. Вроде как заграбастал территорию и замкнул руки. По обе стороны от ворот изначально располагались службы, каретные сараи, конюшни и всякие другие мастерские. Все они были одноэтажными, с широкими въездами со двора. Можно даже сейчас увидеть эти старые входы, они, конечно, видоизменились, какие-то были заложены кирпичом до размера обычной двери, но все равно, представить, как оно все было, очень даже возможно. Зайдите во двор на Поварской, 52, подойдите к памятнику Толстому, который уже с 1953 года сидит, бедняга, в одной и той же позе посреди двора и посмотрите вокруг – низенькие окошечки, уходящие под дом, дверки, в которые не протиснешься, у самой земли, высокие «барские» вторые этажи, колонны, герб со львами, терраса с баясинами, взрослые деревья, заслоняющие небо – все вместе, все перемешано, эдакая микросхема мира. Попробуйте покрутиться вокруг своей оси, представляя, как все было сто лет назад.

Ну вот, а когда после октябрьского переворота богатые владельцы усадьбы повывелись и разъехались за пределы революционно-бурлящей России, надобность в лошадях и, тем более, в каретах, отпала, конюшни перестроили под конурки для людей с длинной коридорной системой по обеим крыльям, выходящим на Поварскую улицу и улицу Герцена (Большую Никитскую) с другой стороны. Комнатки хоть и были маленькими, как купе поезда, нарезанными наугад, но выходили прямо на трамвайные пути и нередко освещались солнцем, в отличие от подвалов внутри двора, где в изобилии по всей его окружности жили люди.

Двор вмещал намного больше жильцов, чем казалось на первый взгляд. С улицы, если стоять за воротами, совершенно не было видно запутанной системы арочных проходов и закутков, входов и дверей, тупиков и муравьиных троп, переходов и закоулочков, которые обрамляли наш большой круглый двор. Народу там жило дай боже, какое-то время даже обитал нарком просвещения Анатолий Луначарский с семьей. А так – люди разных мастей и сословий, национальностей и вероисповеданий, профессий и судеб, волею случая собранных в одном месте под защитой больших кованых ворот нашего двора на Поварской.

Под каждым окном обязательно что-то зеленело, но по желанию – у кого конский щавель и крапива, у кого георгины с гладиолусами, бывало и лук-чеснок, даже жасмин, сирень да шиповник, благоухающие половину лета на весь двор. Красиво было, свежо и тенисто. Птицы жили, вёснами пели, даже ласточки залетали и вили гнезда за колоннами хозяйского дома. Чирикали себе всякие, сидя на ветках хорошо выросших уже лип, которые были посажены еще в конце девятнадцатого века. Тогда вообще всю Поварскую-Воровскую засадили липами, и дворник зорко следил, чтобы к неокрепшим еще деревьям у забора усадьбы никто никакую скотину не привязывал, веток не рвал и даже угловую липу, выходящую на деревню Кудрино, нынешнее Садовое кольцо, и подверженную всяким случайностям, огородил штакетником.

Место, конечно, было тогда очень интересное, не самое обычное для Москвы. Вроде как государство в государстве. Со своими правилами, законами, традициями и привычками. В два-

дцатых в барском доме Дворец искусств открыли, потом переименовали его в Клуб Литераторов, так кто там только не выступал на вечерах поэзии, даже Есенин туда приезжал, Блок точно приходил, Брюсов так вообще главным был, он и основал Клуб. А поскольку он стал центральным литературным местом того времени, то там не только концерты, чествования и литературные вечера проходили, но и вообще все мероприятия, связанные с писателями, и прощания с великими в том числе. Булгакова на Поварской в нашем дворе хоронили. На похороны Маяковского народ так три дня шел! Во дворе черт-те что делалось, могли запросто затоптать! От площади Восстания, сегодня она Кудринская, до прабабушкиных дверей все черно от людей было, на заборе торчали, на крышах ждали, на деревьях висели, чтоб увидеть, как понесут великое тело! А потом, как гроб вынесли, и толпа ушла за ним, двор как после мамаева набега остался – все потоптано, искорежено, а кое-что и своровано, даже прищепки все с веревки снимали и лейку сперли... Вот как так, всё удивлялась тогда прабабушка Поля – прийти на похороны великого поэта, а уйти с лейкой и прищепками?

Жили во дворе одной большой и вполне дружной семьей, за этими воротами-то, общие бабки сидели с общими детьми – в переносном смысле, конечно, вы поняли. Но ведь где одна бабушка с внуком, там можно подкинуть и еще пять-шесть деток из других подвальных квартир. А уж если, скажем, в какой-то квартире по какому-то важному поводу затевались пирожки, котлеты или голубцы – любой штучный товар – то семейной порцией никогда не отделаться, будь любезен, готовь с запасом и угощай! С тех самых пор, наверное, пошли наши фирменные пирожки и голубцы крохотного размера, на один укус. Так повелось когда-то из экономии, видимо, но стало отличительной мелкокалиберной чертой нашей домашней готовки. Хотя голубцы и голубцы, в общем-то, ничего в них нет сверхъестественного – фарш (я, например, индейка люблю, испытываю к нему приязнь, но бывает и составной мясной), потом туда добавляется полуготовый рис, лук-морковь-чесночок, дружно припущенные хором. Затем зелени мелко режу прям целый сноп, кинзу-укроп-петрушку. Хотя петрушку не сильно люблю, грубовата. Приправки любимые – какие вам нравятся помимо соли-перца? – ну всякие прованские травы, грузинские сборы, ведь у вас обязательно же есть волшебная полочка, на которой стоят эти заветные алхимические закопченные пузырьки с травами! У Лидки, у бабушки, в те давние времена все и всегда было строго ввиду скромной советской действительности, очень небогато и ограничено по набору: соль, перец горошком и молотый, изредка зерна кориандра из магазина «Семена», лаврушка, лимонная кислота, сушеный, измельченный в пыль, укроп, сухая горчица и сода – вот весь приправный набор. Да хрен в холодильнике. Ни о каких прованских травах тогда и слыхом не слыхивали. Провинциальные – пожалуйста, а прованские – ну что вы, увольте! Так что фарш просто солили, перчили, ну и наши семейные пять копеек в рецепт: бросали целую охапку мелко нарезанных сушеных белых грибов (замоченных до этого на пару часов в кипятке и отваренных заранее, конечно)!

Ну, а потом вы знаете! Заворачиваем, обжариваем, потом тушим в смеси томатного сока, соевого соуса и сметаны и отправляем преть в духовку на медленном огне! Опять же, соевый соус пришел к нам позже, но как только он появился в магазинах, то сразу стал одной из наших самых любимых и главных приправ.

Хорошенько потушили и едим! И что вы думаете – очень «едабельные» голубцы получаются! Один нюанс – делаешь целую кастрюлю, типа, на всю неделю, а они ррраз и сразу заканчиваются! И так было всегда, начиная с незапамятных времен, но я-то в таких кулинарных подробностях помню, к сожалению, только прабабушкины времена, не раньше.

Ну вот, потом Клуб Литераторов превратился в Союз Писателей,росло новое племя советских классиков. Стали они кучковаться во дворе на Поварской. Каждому писателю с Государственной или, бери выше, со Сталинской премией, полагалась персональная машина, вот водителям с семьями и предоставили конурки в подвалах, чтоб все время под рукой быть

– вдруг кому-то срочно понадобится в Кремль ехать на высокохудожественный разговор с начальником?

Писатели сменяли друг друга, уклад в писательском дворе на Поварской оставался одним. Военное поколение – Симонов, Твардовский, Фадеев, Катаев постепенно уходили в забвение, на смену им шла шестидесятническая молодежь. Случился тогда в шестидесятые настоящий поэтический бум, поэтическая лихорадка, и знаете что – она началась именно с нашего двора! Именно в нем, если войти в ворота и пойти правее, в подвале, не доходя до барского дома, жили мои родители, поэт Роберт Рождественский и Алла Киреева. Мама родилась и прожила всю свою молодую жизнь на Поварской – школа, училище Большого театра, потом резкая смена профессии, и по стопам своего отца, писателя и журналиста – в Литинститут. Там и встретила своего однокурсника Роберта, подающего надежды поэта и просто хорошего человека.

Именно туда, к ним в подвал, приходили на бабушкины блинчики и прабабушкин торт «Лужа» студенты-однокурсники и примкнувшие к ним: Евтушенко с тогдашней своей кратковременной женой Беллой Ахмадулиной, архитектор Андрей Вознесенский, доктор Василий Аксенов, да и многие другие молодые и талантливые, не особо помышлявшие в те времена о своем великом будущем. И стихи начали читать прилюдно именно в этом нашем дворе, когда однажды, одним прекрасным весенним вечером, после того как все бабушкины блинчики были съедены, а спиртное выпито, гости и хозяйева вышли разом на свежий воздух во двор, кто покурить, кто охладиться. Вот и собрались, поживаясь, у памятника Толстому, который стал, не подавая вида, слушать молодых крикливых поэтов. Набежали соседи из других подвалов, чтобы тоже послушать, зашли с опаской в чужой двор прохожие, привлеченные тонкими неокрепшими голосами, набежало тогда народу дай боже! Это потом уже случились чтения у памятника Маяковскому, это потом народ повалил валом в Политехнический и Лужники на поэтические вечера. Но сначала-то стали читать во дворе на Поварской! Вот такой исторический факт, о котором мало кто знает. А может, и никто, кроме меня.

Ну здесь же нельзя не сказать поподробнее про наши блинчики и «Лужу», правда? Сначала блинчики – это основа любой уважающей себя семьи. Привожу цитату из бабушкиного талмуда, куда она записывала все рецепты: «Для блинчиков берем 2 яйца, соль-сахар, взбить, плюс 200 г воды, плюс 150 г муки, снова взбить, плюс еще 200 г воды и оп-ля-ля!» Единственное, она не написала, что это оп-ля-ля надо жарить исключительно на чугунной сковороде. У нас были такие две, прищипанные, черные, прокопченные, повидавшие на своем веку миллионы блинчиков уж точно и передаваемые из поколения в поколение. Эти две заветные сковородки она не разрешала мыть. Никогда. Только тщательно протирать. Они лежали на отдельной полке, прикрытые полотенчиком, и ждали своего часа. Бабушка доставала их, ставила раскаляться, потом резала пополам картофелину, гордо втыкала в нее вилку, наливала в розеточку немного постного пахучего масла и перед каждым блинчиком смазывала этой масляной картофелиной разгоряченную сковородку. Готовила всегда на двух, так быстрее получалось. И самое важное, на каждый горячий блин укладывался кусочек сливочного масла. И не говорите мне про диету, это отвлекает! Как мне нравилось, когда масло плавилось и стекало вниз по стопке уже готовых горячих блинов! У меня всегда был свой ритуал. Я, сколько себя помню, подходила к плите во время жарки, и хватала блин прямо со сковородки, как только бабушка его переворачивала. Бледный с одной стороны, не прожаренный, он обладал удивительной клейкостью, дышал жаром и с радостью принимал на свое круглое поле всё – и сметану, и варенье, а и просто масло с солью. Это было восхитительно! Пока не наедалась – не отходила, бабушка это знала и всегда звала: «Катюля, скоро закончу жарить!» – и я мчалась на непропеченное тесто.

Ну и прабабушкина «Лужа». Она, собственно, не столько прабабушкина, сколько быстрая и незамысловатая еда довольно ограниченного количества советских семей, в том числе и

нашей. Как говорится, просто, выгодно, удобно! Если сказать без выпендрежа, а по существу, то на выпеченный корж или крошенное печенье кладутся любые ягоды или прищипанные фрукты и заливаются заварным кремом. Если языком кулинара, то вот рецепт.

Для теста:

200 г творога;

1 ст. муки;

100 г масла;

100 г сахара;

1 желток;

ванильный сахар – 1/2 ч. л.;

щепотка соды.

Для крема:

4 яйца;

5 ст. л. муки;

5 ст. л. сахара;

1 л молока;

100 г масла;

ванильный сахар – по вкусу.

И полкило ягод, каких душе угодно, вернее, что есть под рукой – можно свежих, можно размороженных, можно из варенья, можно припущенных, можно в смеси, можно из компота! Прабаба, например, всегда заготавливала компоты, уж она-то крутила, дай боже, поэтому во всяких компотных вишнях, сливах и персиках дефицита наша семья никогда не испытывала.

Ну вот, тесто замешиваем и ставим на полчаса отдохнуть в холодильник, а пока завариваем крем, и я уверена, вы знаете, как. Чтоб не пригорел – мешать и не отходить! Потом выстилаем тестом форму с бортиками и печем до румянца. Вынимаем и собираем нашу прекрасную «Лужу»: на корж кладем ягоды и сверху заливаем кремом, в честь которого, собственно, и называется торт. «Лужа», в принципе, готова, но можно ее еще чем-нибудь сверху художественно задрапировать – например, хоть толченым печеньем (запыленная городская лужа), хоть орешками (запыленная лесная лужа), хоть теми же ягодками (садовая лужа). Ну и пусть постоит немного, чтобы все составляющие притерлись друг к другу, слились воедино и обменялись жидкостями.

На «Лужу» шли все. Часто, когда люди были на пороге, прабаба не заморачивалась с коржами, а просто крошила на блюдо печенье в палец толщиной, подбрызгивала его коньяком (бутылочка с трехзвездным «араратиком» для хозяйственных нужд всегда стояла на нижней полке в буфете, замаскированная банками с вареньем) и настраивала остальные слои. Так что нашей семейной лужей восхищались и соседи, и пришлые – как вкусно, как быстро, дайте рецепт!

А потом время Поварской закончилось. Постепенно и все остальные соседи съехали с этого нашего основополагающего адреса, и двор стал не жилым, а целиком литературным. Бывшие конюшни были отданы под редакции новомодных журналов: сразу справа, как зайдешь, обосновалась «Дружба народов», слева – «Иностранная литература» и новорожденная «Юность». А вперед, как пройти мимо Толстого, в самом барском доме, засел Союз писателей со всеми его важными секретарями и их не менее важными секретаршами, портретами классиков по стенам и стойким запахом книжной пыли, легкой плесени и земляных подвальных переливов. А потом рассыпался и этот орган, казавшийся вечным, основательным, на века. В 90-е двор распродали. Целиком и полностью, но разным и не всегда правильным владельцам. В бывших конюшнях-редакциях запахло горелым луком и шашлыками, запели хрипло-пьяный

шансон, стали устраивать воровские сходки с кровавым мордобоем, а иногда и просто убивать прогнивших до основания авторитетов.

Лишь Лев Николаевич как сидел, так и сидит задумчиво среди этой людской суеты. А что ему, он уже увековечен.

Моя Тверская (улица Горького)

Житьё наше было всегда центровым – с Поварской мы переехали на Кутузовский, с Кутузовского – на Калининский (Новый Арбат), с Калининского – в дом номер 9 по улице Горького. Хотя Кутузовский проспект в те времена вообще не считался центром. В самом конце проспекта на Поклонной горе заканчивались границы Москвы, о чем явно свидетельствовала большая белая табличка с перечеркнутым названием города, и начиналось Можайское шоссе с яблоневыми садами, деревенскими домиками, ухоженными огородами и петушиными криками. Это потом он стал элитным и недоступным по ценам, а тогда все было просто и довольно дешево, вот мы и вселились в трехкомнатную микрохрущевку напротив магазина игрушек. Потом, в самом конце 70-х, покинув Кутузовский, переместились на только что отстроенный Калининский проспект, который москвичи сразу обозвали «вставной челюстью Москвы». Так вот, в один из «зубов» мы и переехали, там было кафе «Ивушка», помните? Ну и дальше – на Тверскую, в знатный дом около Центрального телеграфа. Во время войны на месте этого дома долго лежал невзорвавшийся снаряд, который саперы еле обезопасили. Строительство здания началось еще в 41-м году, но война остановила его, и пленные немцы смогли достроить дом только к 1949. Да и материал для фасада нашелся подходящий – ходили слухи, что немцы успели завезти из Финляндии первоклассный гранит, из которого собирались поставить грандиозный памятник победы над Советами, но не случилось им такого счастья. Этот гранит, темно-бордовый, богатый и благородный, пошел на облицовку первых этажей домов 9 и 11, обратите внимание, как будете проходить мимо. Здание, а мы говорим о доме номер 9, получилось основательным, очень солидным, да что там солидным – роскошным и внешне и внутренне, с удачными планировками, высокими потолками и железобетонными, а не деревянными перекрытиями, что довольно редко встречалось в те послевоенные времена. Обширные квартиры, уходящие за горизонт, были, в основном, многокомнатными, гулкими, внушительными, ведь в них должны были въехать довольно важные люди, так называемая советская элита...

Квартиру эту на Горького родители долго тогда выменивали, никто просто так ее и не давал, хоть и помогли потом побыстрее оформить. Окна наши выходили прямо на Центральный телеграф, фасад которого всячески к праздникам украшался. На его стену монтировался огромный каркас с лампочками, разработанный специально обученными инженерами и художниками. Это был своего рода световой театр, люди проходили по улице Горького и восхищались размаху и успехам Советской страны – стены здания превращались по праздникам в гигантские пылающие огнями плакаты: в космос дружно взлетали ракеты из маленьких лампочек,

на соседнем панно рядами ехали комбайны, собирающие светящуюся созревшую пшеницу, не переставая, качали нефть крошечные нефтяные вышки. Будничный и скромный герб, висящий над входом в телеграф, закрывался на 1 мая и 7 ноября объемным сияющим саркофагом из раскрашенных лампочек с детальной проработкой каждого колоска и каждого флажочка.

Но и по будням телеграф тоже был неотразимо красив и внушителен. Я смотрела в окно и изучала этот наш советский герб. Я смотрела в окно и узнавала время, там были вечные электронные часы. Время высвечивалось всегда. А когда к 7 ноября прямо с крыши разворачивали огромный рулон с портретом Ленина размером в целых 4 этажа, то он подглядывал ко мне в окно, и я его по-девчачьи стеснялась. Он совсем не улыбался, только слегка шурился, глядя на меня. Как оказалось, был очень близорук и недоглядывал. Но это стало ясно много позже. Ложась спать, я всегда задергивала занавески, чтобы огромное светящееся лицо не стояло у меня перед глазами и не смотрело на спящую меня. На подоконнике моем обычно выставлялась какая-нибудь еда. Не думайте, я не припрятывала ее, чтобы жрать ночами, просто все остальные подоконники квартиры были заняты цветами, которые тоже считались членами семьи и тревожить их было нельзя. Вот бабушка и ставила под открытое окно на мой девичий подоконник то, что не влезало в холодильник – это мог быть поднос с кулебякой, накрытый полотенчиком, чтоб с утра погреть и на завтрак, синяя гусятница с тушеным мясом, или одинаковые ряды пухленьких пирожных «картошка», приготовленных к приходу гостей. Да, «картошку» мы всегда делали сами. И если у вас потекла невидимая слюна и вы вспомнили, как оно тогда было и захотелось домашнего, настоящего, ностальгического и самолепного, то вот вам за это наша семейная картошка, вернее, пирожное «картошка».

Наша «картошка» очень похожа на настоящую с одним «но» – от нее можно опьянеть! И внутри она всегда белая. Мы никогда не делали пирожное с добавлением в тесто какао. Это было самое нетрудоемкое, быстрое, с простыми ингредиентами дело (печенье и какао, чтобы обсыпать сверху, в буфете не переводились, сгущенку доставали, за сливочным маслом, конечно, надо было в очереди пару часов постоять, а с коньяком проблем не было, его папе часто дарили). Делали «картошку» всегда много и впрок и, дав ей отдохнуть на подоконнике, закладывали на нижнюю полку холодильника, чтобы вынимать по мере появления гостей. Лучше, конечно, испечь бисквит и дать ему время высохнуть, но можно, если некогда, сделать из печенья.

Печенье (я люблю простое «Юбилейное») 7 пачек, 1 банку сгущенки, пачку сливочного масла в 200 г, горькое какао для обсыпки, 200 г орехов, коньяк или ром по вкусу. Я беру ложек 6–7, чтобы коньяк в пирожных хорошенько чувствовался. Потом все просто: печенье пропускаем через мясорубку, грецкие орехи режем на мелкие кусочки, они должны хрумкать на зубах. Делаем крем – растираем сгущенку с мягким сливочным маслом, добавляем коньяк и соединяем с крошечками. Лепим чудесные картофелины, обваливаем их в какао и ставим на холод. Особенные эстеты могут белым кремом или взбитыми сливками на картошках сделать «глазки». Когда сливочного масла не было – случались и такие времена – лепили без него, только печенье, сгущенка и какао.

Ну это просто, и в общем-то десерт вполне будничный, зато по праздникам изошрялись как могли и пытались гостей удивить своими домашними тортами! Например, огромный клубничный торт строили только на папин день рожденья, строго раз в год, на другие праздники не разменивались. Он шел обязательно с целиковой клубникой и ядреной ромово-коньячной пропиткой бисквита, со сливочным кремом и радующим глаз оформлением. Готовили накануне, чтоб пропитался – пекли 4 противня бисквитов и каждый резали еще вдоль, перекладывая кремом с клубникой, итого 8 слоев! А съедали, зараза, за пять минут.

Желе заваривали, любимое наше семейное занятие – с ягодами, разноцветное, шоколадное, молочное, радугой, с алкоголем....

В общем, вы поняли, что, откушав наш десерт, трезвым от нас никто уйти не мог!

Но десерты – десертами, они не пахнут, а вот бабушкино тушеное мясо... по ночам... у меня на подоконнике... даже с закрытой крышкой... Это было нечеловеческим испытанием! Все эти эротическо (мне было 16–17 лет) – гастрономические сны, этот ночной сладковатый будоражащий аромат, доставляемый из окна неторопливым сквознячком прямоком мне в ноздри, и навевал мне соответствующие странные видения.

И, если уж вспомнилось, держите рецепт Лидкиного, бабушкиного то есть, жаркого.

Главное – напожарить все отдельно: лук с чесночком, морковку, картошку и баранинку. Все, кроме картошки, поставить тушить, залив красным винцом. Подкинуть немного кураги и чернослива, которые, набравшись вином и разбухнув, нехотя отдадут свою сладкость.

Нарезать кислое яблочко, оно скоро превратится в пюре и добавит вкусу нечто такое волшебное, что и понять трудно будет, почему так хорошо. Это наш семейный секрет такой – везде, ну почти везде, добавлять кислое яблочко.

Соль, перец, розмарин, зира, еще того и сего, но на самом деле нужно класть специи по настроению – можно снова французских трав добавить, можно грузинских сыпануть, к чему душа лежит именно в этот конкретный творческий момент. Всё необходимо было хорошенько, но не до самой готовности, протушить на медленном огне, потом забросать туда картошку и снова прикрыть крышкой, чтоб удержать аромат. Картошка может забрать соль и солёности снова станет мало, поэтому, когда уже почти готово, попробуйте все хорошенько, походите с ложкой соуса по квартирке, попросите совета у домашних и поймите, чего именно нужно добавить. Не удивлюсь, если сахара! Бабушка во все добавляла ложечку сахара – для баланса, говорила. Ну и тушите до потери пульса на очень-очень нерешительном огне под закрытой крышкой. Приятного вам и всем вашим!

Ну ладно, это лирическое отступление.

В доме нашем жил оscarоносный режиссер Сергей Бондарчук с женой неземной красоты Ириной Скобцевой, замечательные актеры Наталья Селезнева, Олег Ефремов, Владимир Басов и советская министерша культуры Екатерина Фурцева, которая зорко следила за тем, чтобы абы кого в дом не заселяли и породистых не развлекали. Еще много заслуженных ученых, в основном физиков-ядерщиков и просто физиков. Жили себе и жили, кто со двора, кто с улицы, подкатывали на персональных «Волгах» вплотную к подъезду, приветствовали консьержек и поднимались себе ввысь на скрипучем лифте.

Очень интересен был двор нашего дома на Горького. Подъезды во дворе уже не отличались парадностью, были вполне обычны и затрапезны, как и любая изнанка. Во дворе каким-то чудом сохранился крохотный кусочек старой, скрытой ото всех, припрятанной и неизвестной Москвы. Если вы и сегодня зайдете в наш бывший двор, пройдя торец дома, где жил Мейерхольд, и повернете направо, войдя в черные лоснящиеся ворота, то вам откроется милейшая картинка из прошлого, хотя все уже в остатках – остатки ворот, остатки проездных арок и два маленьких одноэтажных домика, где жили и работали когда-то «стеклянные короли», владельцы заводов по производству стекла. Помните коллекционные зеленые бутылки с выдавленным на доньшке двуглавым орлом, которые считались самыми лучшими по качеству и форме? Это их, купцов Костеревых, которые тут обитали.

Загляните туда, полюбуитесь, пока не поздно, на эти приятные сердцу остатки старой Москвы, ведь, не ровен час, и это сотрется...

Еще один скрытый от глаз дом, но не чета дому Костеревых, а роскошный, в изразцах и фасетных стеклах, причудливых башенках и живописи, прятался прямо напротив нашего дома, через улицу Горького. Заслонял этот скрытый дом продмаг, который у нас, местных, звался «кишкой» из-за невозможной своей длинноты. В кишке всегда пованивало бывшими

продуктами, каким-то застойным салом и еще чем-то органическим, может, голодным человеческим ожиданием, видимо, оно имело именно такой запах. Живая еда редко когда продавалась, в основном законсервированная, замаринованная, засоленная, засушенная. Ну ладно, время такое засушенное тогда было, я сейчас не совсем об этом.

В арке этого «кишечного» дома я часто скрывалась от дождя и ветра, когда стояла в многочасовых очередях, скажем, за тем же сливочным маслом, переживая, как бы не стерся написанный на руке номер очереди. Тогда-то я и увидела в том подарочном (под-арочном) дворе дом удивительной красоты. Разузнала про него и с большей охотой ходила теперь в «кишку» – можно было лишний раз навестить красавца. Это было Саввинское подворье, построенное в начале двадцатого века архитектором И. Кузнецовым. Звенигородскому монастырю понадобился доходный дом, и он был отстроен в псевдорусском модном тогда стиле. Так и простоял на первой линии Тверской до конца 30-х, радуя прохожих своим великолепием и основательностью. Было это до всемирно-всеобщей московской реконструкции, когда всю чётную сторону улицы Горького решили перенести дальше к северу на пару десятков метров. Ведь коммунистический город должен быть светлым, просторным, современным, с широкими проспектами, огромными площадями и новой пролетарской эстетикой. И на чертежах кто-то твердой рукой прочертил прямую линию, из-за которой многие старинные и очень красивые строения были снесены, а какие-то по необъяснимой причине остались стоять на разрушенной улице. Среди них был этот дом номер 6 и типография Сытина на Пушкинской площади, которые из всех признали вдруг памятниками архитектуры и решили сохранить. Но сохранить так, чтоб не мешали надвигающемуся сталинскому ампиру. То есть передвинуть.

Двигали дом весом в 23 тысячи тонн, Саввинское подворье, тихонечко, одной ночью, никого не отселив, да так плавно получилось, что, по слухам, не развалилась даже игрушечная башня из кубиков, которую построила маленькая девочка в одной из квартир! Двигали одну ночь, а подготовка шла целых четыре месяца. И перенесли-таки, на 50 метров от дороги. Понимаю, что бедные жители были в курсе и видели подготовительные работы, лебедку, рельсы, которые подкладывали под дом, мельтешение рабочих и инженеров, нервно курящих или зычно покрикивающих друг на друга понятными русскими словами. Жильцы волновались, как оно все пройдет, просили предупредить, чтобы вовремя успеть съехать к родственникам на время движения дома, чтоб не дай бог не завалило. Предупредили. За пару часов. Никто никуда не успел уехать. Но могу себе представить, каково было жильцам, когда им вдруг сообщили, что ночью дом начнут передвигать, и все люди останутся в нем. . . С женами, родителями, детьми, кошками и фикусами, со всем нажитым добром. Как они тогда заснули? Крепко ли спали? Хотя если бы дом рухнул, то об этом вряд ли кто узнал бы – нет дома, нет проблемы, человеком больше, человеком меньше, не беда, советские женщины нарожают еще. В газетах не напечатают, телевидения еще не было. А к людям в то время относились просто как к мясу. Шел 1939. Да и бояться было нечего, заверяло местное начальство. Специально для всех этих «манипуляций» с передвижкой зданий была создана метростроевская контора, которая чуть ли не играючи выполняла перенос небольших домов, которые изначально мешали строительству метро, а потом перешли на разработку более крупных проектов, как Саввинское подворье с рекордом веса в 23 тысячи тонн. Вся Москва вообще после 1935 года была перерыта: где-то сносили здания и церкви, где-то дома убирали под нож целыми переулками, освобождаясь от шикарного царского наследия, где-то строили метро, глубоко и опасно, где-то расширяли магистрали, ну а на улице Горького передвигали дома. Пройти без галош в любое время года было тогда невозможно.

Если вы вдруг окажетесь на Тверской около шестого дома, зайдите, пожалуйста, в арку, навестите дряхлого каменного старика, за которым нет никакого ухода и присмотра, который ветшает и разваливается.

И полюбуйте на уходящую красоту, пока не поздно.

Еще приблизительно в то же время переместили Моссовет, но тут был другой рекорд – рекорд скорости: здание уехало вглубь всего лишь за 40 минут, просто и по-деловому, словно это было в порядке вещей – ездить целым зданиям по улице. А потом, уже в 1950 году, и памятник Пушкину зачем-то переехал на другую сторону Тверской, а на моей девичьей памяти еще и Сытинская типография, которая стоит рядом с редакцией газеты «Известия» на Пушкинской площади.

Дом-сказка на Соимоновском

Еще один московский красавец-дом в сказочно-былинном стиле, о котором не могу не рассказать. Там когда-то в молодости жила бабушка, Лидка моя. Большая удача, что этот дом остался, пусть и перестроенный. А ведь в 30-х его хотели снести вместе со всем кварталом. Это дом-ларец номер 1 по Соимоновскому проезду с видом на Храм Христа Спасителя и на Москва-реку. Хотя когда Лидка там обитала, то никакого храма и в помине не было, сплошной забор, а за ним строительная площадка и котлован с водой. Поэтому вы можете себе представить, какой открывался вид из окна ее второго этажа: непролазный ужас, сплошная грязь. А до этого, очень задолго до этого, лет триста назад, а то и больше, журчал себе здесь Черторый ручей, Черный или Чертов, как его еще называли. Место так и стояло, стремное и зловещее, пока не решили на нем в честь победы над Наполеоном поставить храм. Именно там, ведь вид на Кремль оттуда был восхитительный! Строили долго, воды ручья все время поднимались и подтапливали стройку, фундамент уплывал, укрепляли опять. Наконец, возвели огромную и красивую церкву, судьба которой не сложилась, простояла она всего ничего – меньше полу-сотни лет...

Потом, как раз в самом начале 30-х, задумали на этом месте возвести громадный Дворец Советов, а храм было поручено «ликвидировать и снести в декадный срок». На ликвидации работали отважные батальоны в буденовках, но совсем в этом деле не продвинулись: ломались сверла, сгорали отбойные молотки – храм был построен на века. Сталин взбесился от такой человеческой беспомощности и приказал тогда храм взорвать. В 1931 году храм со второй попытки взорвали и сразу же стали устраивать новый фундамент, но и на этот раз он все уплывал и уплывал вместе с ручьем. А Дворец должен был быть ого-го какой: 400 метров в высоту, из них 100 метров – сам Ильич на верхушке с протянутой рукой. Мало того, он должен был еще вращаться вокруг своей оси и приветствовать всех москвичей вокруг и, видимо, гостей столицы!

Но тоже не срослось. Началась война, и стало не до гигантизма, выжить бы. После войны место это простояло затопленным в течение пары десятков лет, пока кому-то из начальства не пришла в голову мысль устроить там бассейн. Наверное, решили, что хоть так котлован с водой стоит, что саяк, пусть хоть народ поплавает, порадует. Так и появился бассейн «Москва».

Ходила я в него, пока бабушка не запретила – стала там орудовать секта, члены которой топили посетителей в знак протеста, что бассейн-де занял место храма. Какое-то время там даже плавали раздетые милиционеры, чтобы предотвратить, так сказать, преступление.

Все это мне бабушка рассказывала, и про дом на Соимоновском, и про окрестности. Всегда, когда мы проезжали мимо этого красного кирпичного красавца, она кричала, тыкая для верности в меня локтем и показывая на второй этаж: «Вон моё окно, вон, смотри! Кто ж там теперь живет? Если б ты видела, какая красота внутри! Какая шикарная асимметрия! Какие росписи и резьба! Не дом, а сказка! Я там первое время ходила, открыв рот! У меня маленькая комнатка в коммуналке была, но пока до нее дойдешь, столько красот тебе открывается, идешь, как в музее! Одна лестница с совами чего стоит! На каждом пролете совушка сидела по всей лестнице, так они у меня по именам были – Марфа, Люба и Зина. Выше не поднималась, другим имена не давала. Только не спрашивай, почему так назвала, никаких знакомых у меня Марф и Люб не было, тем более Зин. Необъяснимо! Первое, что пришло в голову!»

А дом и действительно был красавец, один из самых видных-завидных в Москве. Почти бабушкин ровесник, 1906 года рождения. Построил его богатый инженер Перцов – да-да, инженеры 120 лет назад могли быть богатыми, не воруя! Сначала он объявил конкурс, тендер, по-нынешнему, и призвал в нем участвовать, ни много ни мало, самого Васнецова, Сурикова,

Поленова, Малютина и Шехтеля. Первое место занял Васнецов, но проект достался малоизвестному тогда мечтателю и сказочнику Малютину, который, кстати, был автором росписи первой матрешки и иллюстратором сказок Пушкина.

Дом построили по тем меркам очень быстро – меньше, чем за год, со всеми современными инженерными новшествами: лифтами, системой вентиляции, телефонами и, главное, с канализацией и водопроводом, трубы которого были спрятаны в толстых мощных стенах здания. Почти треть всего фасада украсили сине-зелено-желтой майоликой с изображением птичек-фениксов, русалок, быков с медведями, волшебных сов, славянских божеств и буйным изобилием цветов и фруктов. Этот «Дом-сказка», как его сразу прозвали, быстро стал одним из самых известных во всей Москве, его почти моментально включили в путеводители, а некоторые специалисты даже считали, что из всех домов в этом стиле он почти самый красивый в Москве, разве что после Ярославского вокзала. По рисункам Малютина был оформлен интерьер и заказана мебель для хозяйской половины семьи Перцовых, а остальную часть дома отдали под доходные квартиры. Но еще при жизни художника почти все панно, скульптуры и резные панели, короче, все красоты шикарных интерьеров были, к сожалению, сняты и безвозвратно утеряны. Советская власть решила дом «упростить»: ни к чему, с ее точки зрения, были все эти навороты и излишества, трудящиеся должны жить аскетично и строго, поэтому стены отштукатурили и покрасили белым.

Под стать дому и персонажи жили там наистраннейшие, почти выдуманные.

Вот что пишет в мемуарах младшая дочь Перцова Зинаида, которая дожила до 100 лет в эмиграции на затерянном пиратском острове в Карибском море: «... жил в нашем доме известный оригинал и чудака – Поздняков. Свою квартиру из четырех громадных комнат он устроил необычайным образом. Самая большая, почти зала, была превращена в ванную (братья мои бывали у Позднякова, они подробно описали мне ее устройство). Пол и стены были затянуты черным сукном. Посреди комнаты, на специально сооруженном помосте, помещалась громадная черная мраморная ванна весом в 70 пудов. Вокруг горели оранжевые светильники. Огромные стенные зеркала отражали со всех сторон сидевшего в ванне. Другая комната была превращена в зимний сад: паркет засыпан песком и уставлен зелеными растениями и садовой мебелью. Гостиная была прелестная – с тигровыми шкурами и художественной мебелью из карельской березы. Хозяин принимал в ней посетителей в древнегреческой тоге и сандалиях на босу ногу, причем на ногте большого пальца сияла бриллиантовая монограмма. Прислуживал ему негр в красной ливрее, всегда сопровождаемый черным мопсом с большим красным бантом! Вот этой-то фантастической квартирой и прельстился вначале Лев Давыдович Троцкий, который переехал в наш дом. Не знаю только, заимствовал ли он также у Позднякова его греческую тогу и сандалии!»

Троцкий Троцким, но еще там жили Фальк, который раз в неделю устраивал выставки на чердаке, Альтман, Куприн, часто бывала Вера Холодная и много другого творческого люда, не зря дом прозвали «Московским Монпарнасом».

В подвале дома какое-то время пело и плясало кабаре «Летучая мышь» под управлением Никиты Балиева, который был, кстати, учителем замечательной певицы Аллы Баяновой.

Сейчас Дом Перцова выглядит как обычный офис с рабочими комнатами, в которых есть компьютеры, скоросшиватели и бумажки в файликах. Впрочем, кое-что в интерьерах осталось от начала прошлого века, совсем чуть-чуть, и это страшно любопытные детали ушедшей перцовской жизни. Например, удивительная деревянная лестница, пронизывающая всю хозяйскую часть дома. Ее как раз и украшают вырезанные из дерева, гладенькие и до блеска отполированные за сто лет прикосновений совы, которые сидят на перилах каждого пролета. Еще сохранилась деревянная входная группа с птицей сиринов, которую видно и на старых фотографиях. Вход, который был прорублен слева, теперь почему-то находится справа. Остался и ста-

рый гардероб (изнутри он был в советское время обит для красоты линолеумом), и еще двери в кабинеты некоторых главковских начальников.

Вот такой дом. И всегда, проезжая мимо, смотрю в окна второго этажа.

Бабушкины окна. А по дороге к ним на лестнице Марфа, Люба и Зина.

Новодевичий

В московских монастырях совершенно другое ощущение города, он как бы рядом, иногда и слышен, но ты его совершенно не чувствуешь. Словно высаживаешься на островок, где и время не бежит, а плывет, где и люди не по делам, а по зову души, где даже трава зеленее и небо выше. Тянет иногда в такие места. Хожу.

Вот один из таких дней. Просто записки, ощущения, ничего более.

Решили с детьми поехать в музей Москвы, что на Крымском, там большой блошиный рынок. Походили, поглазели, проголодались. Думали-гадали, где поблизости перекусить. Ездили, круги наворачивали, Садовое закрыто, там велогонка, рванули через мост мимо института моего на Комсомольский, там решили свернуть направо и оказались около Новодевичьего. Совершенно случайно, просто дорога привела. На углу нашли кафе хорошее, посидели тихо, поели и пошли через дорогу. Монастырь открыт, потому что праздник великий. Не подумайте, что я каждый день хожу на службу, совсем нет, но тут само собой получилось, без усилий и размышлений, ноги сами привели. Здесь совсем уже не Москва, за этими толстыми, изъеденными временем стенами. И словами-то не объяснить ощущение. Вроде и не видела ничего особенного, но от увиденного голова закружилась и ком предательский к горлу подступил. Хотя, если так подумать, правда, ничего особенного. Может, я просто с годами слишком впечатлительная стала и жизнь воспринимаю иначе, чем в юности, оно и понятно.

Встретила старинную монахиню, лет под сто, с палочкой, которая медленно и уверенно шла к храму мимо таких же вековых, как и она сама, деревьев. Посетители, абсолютно пришлые люди, почтительно отступали и кланялись – сила от этой старицы шла невероятная.

Чуть дальше, у могилы русскому поэту Владимиру Соловьеву, сидел, сгорбившись, бородастый мужчина с подростком. Мальчик елозил пальцами по экрану телефона, яростно убивая наступающих монстров, а папа, скорей всего, это был папа, что-то вполголоса говорил ему без остановки. И знаете, что он говорил, вернее, читал?

«Чего ж еще недоставало?
Зачем весь мир опять в крови? —
Душа вселенной тосковала
О духе веры и любви!»

Именно, Владимира Соловьева. Наглядно. Вот тут лежит поэт, а вот то, что он писал. Мужчина читал и читал с мрачноватым видом, сын возил пальцами по экранчику, я улыбалась, разглядывая памятник и очень старалась на них не смотреть, неприлично все-таки.

Пошла дальше по аллейке. Все деревья громадные, сказочные, с дуплами, обжитые птицами и белками. Новорожденные заботливо посажены рядом с пожилыми, в распорочку, на месте уже ушедших. Через сто лет вымахают.

Памятники все старинные, с шестнадцатого века есть, но в основном век девятнадцатый: от геройских бородинцев во главе с Денисом Давыдовым и всей его доблестной семьей до генерала Брусилова – помните, «Брусиловский прорыв»?

Лежит тут среди всех прочих и девица Горелкина, карлица при императорском дворе Елизаветы. Насмотрелась, видимо, на прелести мирской жизни и постриглась в монахини, грехи за всех замаливать.

Князя Трубецкие тоже покоятся, декабрист Муравьев-Апостол, писатель Писемский, почти вся профессура Московского Университета 19 века, купцы и фрейлины, врачи и монахи. На чьих-то могилах одуванчики растут, где-то уже отцвели тюльпаны, скамья покосившаяся

стоит – как давно, сколько десятилетий назад последний раз сидели на них пра-пра-пра-пра-внуки?

Птица ко мне прилетела, у ног почему-то шастала, не пугалась. Трясогузка с чем-то съедобным в клюве. Бегала вокруг по дорожке, хлопотала, головку поднимала, вглядывалась.

Мужчина подошел, здравствуйте, говорит, вы как? Ничего, говорю, спасибо. Вы держитесь, говорит. Кивнул и ушел. Я держалась...

Пошла дальше, мимо Смоленского, дубов и скамеек к кельям монашьям. Тут все вне времени, как двести лет назад было, и так через двести лет, дай бог, будет – нехитрые палисаднички у каждого входа с ирисами, проклюнувшимися люпинами и душистым монастырским разнотравьем, да кормушки птички на сиреневых цветущих кустах. И дальше, за углом, калина в самом цвету.

А еще обожаю ходить в монастырские трапезные, даже когда не голодна. И в тот раз пошла. Покой, умиротворение, простая вкусная еда, посетители без суеты и суеты. И вот приметил в трапезной тетюшку. Вида неказистого, в галошах, широкой цветастой юбке, клетчатом мужском «пинжаке», пляжной кокетливой шляпке и в очках на резинке, перерезающей всю эту шляпную красоту. И еще деталь – она была совершенно беззубой, эта тетюшка.

– За фумкой прифледите, графданочка, я за чаем отойду... – я вызвала у нее доверие, видимо.

Я осталась с большой и на вид совершенно неподъемной челночной сумкой, перевязанной для верности широким мужским ремнем. Тетюшка скоро вернулась, поблагодарила и села за соседним столом, достав из сумки завернутые в тряпку собственные столовые приборы. Отодвинула поднос с пластиковой тарелкой, постелила тряпицу и аккуратно по всем правилам выложила большую ложку, нож и вилку. И наконец принялась за чай, перелив его из одноразового стаканчика в свою чашку в розовый цветочек. Закусывала пирожком с селедкой, – соленый, немного ржавый запах пошел сразу. Потом, выпив и пошамкав пустым ртом, о чем-то задумалась, глядя на монастырские стены. Убрала своё. Затем открыла сумку и вынула старую потрёпанную книгу.

Я увидела название, улыбнулась. Улыбнулась всей странности ситуации, всему вместе взятому: этому дню, трапезной, богомолке с чаем и пирожком с селедкой, ее мельхиоровым приборам, задумчивости, почти переходящей в сон и непонятно каким чудом оказавшейся здесь пьесе Нагибина «Срочно требуются седые волосы»...

И все, и ничего особенного, правда! А чувство такое, что день очень важный прошел, особый какой-то, даже не объяснить...

Ереван

Знаете, с чем у меня связан Ереван? С мистикой! Именно в Ереване давным-давно старая гадалка напороочила мне трех сыновей. Вот взяла и запрограммировала мой ещё неокрепший нежный девичий ум. Представить было невозможно, чтобы я, вся такая двадцатилетняя, романтически настроенная, пусть пока еще инфантильная и прямо из школы вышедшая замуж – и на тебе – родишь трех сыновей! Да никогда на свете! Я вообще тогда еще не задумывалась о своей размножительной функции, в ходу были только веселительные и гулятельные! Выйти замуж – пожалуйста, но сразу бросаться рожать детей? Пожить вовсю, поработать с интересом, поездить, где только можно – вот для чего нужна была молодость, а мне тут про трех сыновей, соски, пеленки и бессонные ночи над детской кроваткой. Я, честно говоря, опешила.

Гадалка была широко известна в узких ереванских кругах, о ней ходили слухи и легенды, но разве можно было меня впечатлить всеми этими сказками? А все началось с того, что наша армянская подруга, которая жила в Москве, узнав, что в Армении мы никогда не были, пригласила нас в Ереван. Она обожала ездить на родину, заряжалась там настроением и каждый раз пользовалась малейшим поводом снова увидеть Ереван. Весь город ходил у нее в друзьях, тем более что она была родственницей замечательного композитора и большого папиного друга Арно Бабаджаняна. А Арно, в свою очередь, считался в Армении национальным героем, поэтому можете себе представить, как нас там должны были принимать!

Тот первый для меня Ереван был еще советским, с коммунистическими лозунгами, черными вальжными машинами «Волга», милиционерами в белых фуражках с царскими полосатыми жезлами в руках, с совершенно пустой площадью Ленина, но таким же, как и всегда шумным рынком, крикливыми торговцами и лоснящимися сухофруктами. И представьте, метро тогда еще даже строить не начали! А я была юной, трепетной, приехала с друзьями, мы кутили, веселились, ходили от знакомых к знакомым, потом к другим, потом еще и еще, и те несколько дней слиплись в один, долгий, без начала и конца, как клубок, из которого не вытянешь ниточку.

Вот кто-то из друзей и предложил уступить свое время, чтобы мы смогли пойти к бабушке Ануш на сеанс, ведь запись к гадалке велась за месяцы вперед. Ну, а подруга, в свою очередь, настояла, чтобы я обязательно отправилась с ней вместе, хоть посмотришь, говорит, как это происходит, она местная достопримечательность, попасть на приём просто так почти невозможно, считай, нам очень повезло. Я упиралась недолго, хотя первый раз в жизни идти к гадалке было страшновато. Верить во все эти кофейные гущи, карты и зеркала я не особо-то и верила, но понимала, что уж точно будет неприятно, если она вдруг сообщит, посмотрев на дно моей чашки, о какой-нибудь неизлечимой болезни или, того хуже, о скорой смерти кого-то из родителей. И зачем мне это надо? Но подруга уговорила, заверила, что бабушка Ануш добрая, никаких ужасов не будет, наоборот, направит и посоветует. Оказывается, они были давно знакомы – представляешь, говорит, сбывается почти всё, что она наговорит, тем более что это ещё и приятно, она ж гадает на кофейной гуще! Еще на лаваше можно, не слышала? Когда определяют пол будущих детей. И вообще, неужели тебе не интересно, это же одновременно и экскурсия, и аттракцион!

Ну любопытство и взыграло. Поехали.

Бабуля жила в пригороде, в простом деревенском домике, сложенном из белого камня. Помню пряную, колышущую жару, запахнутые настежь двери и окна, прозрачную тюлевую занавеску от мух и бабушку на пороге. Толстые неповоротливые шмели нехотя пролетали мимо нас к каким-то пахучим цветущим кустам у калитки. Но запах свежемолотого кофе на подступах к дому перебивал все остальные. Какое-то время мы простояли у входа, бабушка что-то долго расспрашивала у подруги на армянском, часто всплескивая руками и чему-то улыбаясь

– вай, мама-джан! А я стояла дура-дурой, ни слова не понимая и ковыряя туплей песок. Вдруг бабушка посмотрела на меня с улыбкой и сказала:

– Ай кез бан, я никогда нэ вру, чтобы врать, надо хорошую память имэть, а я старуха уже!

И мне тогда стало так стыдно, что она мой страх перед гаданием восприняла по-своему, и я испугалась ещё больше.

Наконец, позвала меня в беседку, увитую виноградом, посадила за клеенчатый стол, а сама ушла на кухню. Подруга осталась в доме, бабушка нас разделила. Минут через десять вынесла одну маленькую дымящуюся чашечку с блюдцем, поставила передо мной и села напротив.

– А я кофе и не пью почти, – зачем-то сказала я. Может, надеялась, что в последний момент удастся избежать этого полунасильного гадания...

– Вай аствац, время многое исправляет, – сказала старушка, вздохнув, – со временем полюбишь. – Она говорила колоритно, с акцентом, и слушать ее было в удовольствие. – Я вот человек из раньшего врэмэни. Помню, в дэтстве мне и коньяк казался нэвкусным, а сейчас, ай кез бан, без рюмочки за стол нэ сажусь. Пэй, пэй тихонечко до конца, думай о хорошем, чтоб мысли нэ скакали. Кофэ, оно суэты нэ любит, иначе нарисует тебе нэ то, что заслужила, хинг матис пез гитем кез! Лучшее в жизни случается молча, мнэ так бабушка всегда повторяла, а и правда. Бог дал человеку два уха и один рот, чтоб он больше слушал, чем говорил.

А как всё выпьешь с добрыми мыслями, чашечку возьми в лэвую руку, пэрэверни и застынь, – и она, выпучив глаза, смешно показала, как именно застыть.

Я, скривясь от горечи – кофе-то нельзя сластить – сделала все, как она сказала, и бабушка, водрузив на нос очки, стала рассказывать мне мою будущую жизнь, переходя с русского на армянский и снова на русский. Основательно так всё объясняла, с подробностями и какими-то мелкими красочными деталями, хотя иногда делала долгие паузы, так и не найдя нужного слова ни на одном, ни на другом языке. Я в тот момент даже немного разочаровалась, решив, что всё как-то не очень конкретно, одни общие слова: долгая любовь, интересная жизнь, прекрасная семья, что мир посмотрю и себя покажу, творчеством займусь, найду увлечение и не одно, – эдакий усреднённый набор слов для человеческого счастья, который каждому будет приятно услышать... Мне тогда почему-то казалось, что такой и должна быть обыкновенная жизнь, а как иначе? Но о маме, помню, она как-то хорошо, по-особому сказала, я даже запомнила: «Мама у тебя в семье главная, четко вижу, она как пуговица, на которой все держится». Как пуговица. Так и было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.